

Как известно, Евгений Евтушенко, прочитав есенинские строки, где поэт говорит о своём намерении, “задрав штаны, бежать за комсомолом”, публично заявил, что он так поступать не станет. А вот Владимир Маяковский воспринимал есенинское искреннее желание иначе... Но об этом позже...

Сначала несколько слов о личном. Давным-давно, читая какой-то материал, где приводились свидетельства последних мгновений жизни и трагической гибели поэта, был поражён одной деталью. Печальную весть об этом событии кто-то из соседей Маяковского сообщал почему-то в “Комсомольскую правду”. Почему именно туда? Это удивило: надо бы разобраться. Но годы шли, и мысль, возникшая спонтанно, так и осталась бы невыясненной, если бы не звонок руководителя нашей общественной ветеранской организации “Клуб журналистов всех поколений “Комсомольской правды” Людмилы Матвеевны Семёиной, сообщившей о родившемся намерении выпустить силами бывших сотрудников “Комсомолки” номер газеты, посвящённый 100-летию со дня образования комсомола. Почему-то первым на память пришёл озаботивший когда-то факт звонка из Лубянского переулка в редакцию газеты.

Нашёл воспоминания сотрудника “Комсомольской правды” тех лет М. К. Розенфельда, который и писал, что кто-то из соседей, проживавших рядом с квартирой поэта, позвонил в редакцию “Комсомольской правды” и сказал всего три слова: “Несчастье! Застрелился Маяковский!” И всё. Трубка была повешена. Автор мемуаров тут же побежал на квартиру поэта. Через несколько минут он уже был там. Ему бросилось в глаза, что чайник в комнате Владимира Владимировича ещё не успел остыть.

Нужно сказать, что и квартира поэта, и редакция “Комсомольской правды” были практически в шаговой доступности к Лубянской, позже – площади Дзержинского. Квартира Маяковского – в Лубянском переулке, а редакция газеты, как пишет в своих воспоминаниях М. К. Розенфельд, располагалась совсем рядом. “Старый дом, в котором помещалась редакция “Комсомольской правды”, стоял в переулке сразу за Китайгородской стеной, против площади Дзержинского”.

Прибыв на место трагедии, журналист увидел группу людей, стал выяснять, кто звонил. Это узнать не удалось. А почему звонивший обратился

одного из талантливейших поэтов современности. Он старался сблизиться со звонкоголосым поэтом. Не один раз у них состоялись даже бурные дискуссии. Сергей Есенин приходил к Маяковскому, но объединения не удалось добиться: найти общую, единую платформу действий оба поэта так и не смогли. В статье “Как делать стихи” Маяковский рассказывает, что он следил за эволюцией Сергея Есенина в его последние годы жизни. “Была одна новая черта у самовлюблённейшего Есенина: он с некоторой завистью относился ко всем поэтам, которые органически спаялись с революцией, с классом и видели перед собой большой и оптимистический путь”. Но самому пойти по этой дороге ему уже не представлялось возможным. К тому ж и органы советской власти относились к Есенину с нескрываемым подозрением. Эти настроения Маяковским подмечены точно. Вспомним хотя бы есенинские строки, написанные в 1924 году, незадолго до трагического финала поэта, когда он приехал на родину Рязанщину. В стихотворении “Русь советская” Сергей Есенин прямо говорит, что чувствует на родине себя “чужаком”: “В своей стране я словно иностранец”. И среди прочего вот что поражает его:

*С горы идёт крестьянский комсомол,
И под гармонику, наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Весёлым криком оглашая дол.
Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен?
Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.*

И разве только такие мысли рождались у Есенина, когда он слушал комсомольское пенье, рассказы деда о том, что сестра Сергея – комсомолка – выбросила иконы, наблюдал за многими явлениями деревенской жизни той поры. В другом стихотворении “Русь уходящая”, написанном в то же самое время, Сергей определяет, как ему выйти из тупика, куда забросила его судьба.

*Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении весёлом!
Знать, оттого так хочется и мне,
Здрав штаны,
Бежать за комсомолом.*

Что такое настроение у Есенина было в тот период далеко не случайным, свидетельствуют и другие факты. В 1925 году редакция газеты “Бакинский рабочий”, с которой поэт активно сотрудничал, выпускает его книгу “Русь советская”, а редакция газеты “Заря Востока” – книгу “Страна советская”. В обеих звучит голос новой России, её мечты, надежды и тревоги. Новая жизнь в стране требовала от Есенина резких изменений в самих подходах к ней. И поэт пишет об этом:

*Издатель славный! В этой книге
Я новым чувствам предаюсь,
Учусь постигнуть в каждом миге
Коммуной вздыбленную Русь.*

К сожалению, поэту не суждено было осуществить этот крутой жизненный поворот. Слишком близко навис над ним злополучный декабрь 1925 года...

А что же Маяковский? В стихотворении “Сергею Есенину”, написанном в 1926 году, он неодобрительно высказывается о тех выводах, которые звучали в стихах тех, кто причислял себя к есенинским последователям, и заявляет:

*В этой жизни
помереть
нетрудно.*

*Сделать жизнь
значительно
трудней.*

Но ещё один, не менее важный вывод звучит в этом стихотворении:

*Надо жизнь
сначала переделать,
переделав —
можно воспевать.*

Это уже воспринимается как задача и для самого автора, и для всей отечественной поэзии. Нет никакого сомнения в том, что Маяковский уловил в есенинском, "...здрав штаны, бежать за комсомолом" реальную возможность для поэта, желающего отдать свой талант на службу народу, встать на стезю созидательного действия. Только в совместном труде с многомиллионной массой молодых людей творческой личности откроется простор для создания произведений, отвечающих на запросы времени. Размышляя над предсмертным заветом Есенина, Маяковский, несомненно, в первую очередь искал сферу приложения сил и для себя лично. Наладить сотрудничество с комсомолом? Но как? А впрочем, совсем ведь недавно, в мае 1925-го, комсомольцы создали свой центральный печатный орган — газету "Комсомольская правда". Её редакция разместилась буквально в нескольких шагах от дома поэта. Разве это не подсказка: нужно идти на сотрудничество с комсомольскими журналистами. И Маяковский связывает свою судьбу с комсомолом через его главный печатный орган. Вот таким, представляется, был приход поэта в "Комсомольскую правду".

Из воспоминаний М. К. Розенфельда мы узнаем, что Владимир Владимирович появлялся в редакции с массивной тростью в руках тогда, когда коридор уже был переполнен посетителями. "Медленным шагом, дымя зажатой в зубах папиросой, он направлялся в конец коридора, в секретариат. Он шёл по коридору нарочито медленно, останавливался, слушал, о чём говорили, всматривался в лица незнакомцев и, увлечшись, вступал в разговор". Поэт прислушивался к спорам, вникал в судьбы собеседников, а затем отправлялся в отделы. Если требовалось, писал агитки, сочинял призывы и лозунги, готовил сатирические рисунки, брал заказы для подготовки поэтических произведений, поддерживающих проводимые редакцией кампании, особенно набирающее размах в стране социалистическое соревнование.

Уже спустя год, в 1927 году Владимир Владимирович отмечал в дневнике: "...Основная работа в "Комсомольской правде" и сверхурочно работаю "Хорошо". Он зарекомендовал себя в журналистике и как агитатор, и как поэт, и просто как сотрудник. Вместе с журналистами "Комсомолки" 28 мая 1928 года принимал участие в коммунистическом субботнике. В газете Маяковский трудился в течение 1926–1929 годов. Он как-то писал, что мечтает о времени, когда Госплан будет давать поэтам "задания на год". Но, не ожидая осуществления таких мечтаний, Владимир Владимирович каждый вечер брал задания в редакции и утром сдавал материалы в номер.

О продуктивности его работы можно судить хотя бы по такому факту: в одном только 1928 году на страницах "Комсомольской правды" было опубликовано сорок шесть его стихотворений. Вот, в частности, отрывок из его стихотворения "Призыв" о комсомоле и комсомольцах:

*Думай о комсомоле
дни и недели!
Ряды свои
оглядывай
зорче.
Все ли комсомольцы
на самом деле?
Или только
комсомольцев корчат?*